

«Давно пора понять, что многие болезни нашего общества проросли на костях брошенных в войну солдат. У нас выветрилось из памяти, что забвение мстит обнищанием духа, неверием. А с таким «запасом» нет дороги к нравственному очищению».

Верно говорят — лиха беда начало. Второй день раскопок оказался еще удачливей. Останки восьми бойцов подняли с земли поисковики. Работающие рядом с нами кировчане нашли уложили в мешки останки десяти бойцов. А медальон на этот раз нашла Настя Тимеева, за который вечером у костра ей по традиции вручили банку сгущенного молока. Но когда Евсеев извлек из капсулы вкладыш, наш командир и все поисковики готовы были отдать ей все банки сгущенки — на потемневшей от влаги бумаге мы прочитали: «Угрин Н. Николаевич. Год рождения — 1920. Дата заполнения — 1942 год.» Вот это находка, ради которой ехали сюда магнитогорцы за тысячами километров, мокли в палатках и «купались» на переправах через ручьи, набивали кровавые мозоли на руках и ногах. Мы ис-

К 51-й ГОДОВЩИНЕ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

2. «Я был убит под Старой Руссой...»

Почти у каждого погибшего мы подбирали по два-три и больше полных подсумка, по несколько гранат-«лимонок», взрывателей к ним.

Но откуда все эти боеприпасы? Ведь насколько нам известно из кинофильмов, у советских солдат была одна винтовка на десятерых, а «лимонок» и патронов катастрофически не хватало всегда. Вот и верь после этого, что наша армия бедствовала. Возможно, другое было в дефиците?

парню из Чудовского поискового отряда взрывом оторвало кисть руки.

Но откуда все эти боеприпасы? Ведь насколько нам известно из кинофильмов, у советских солдат была одна винтовка на десятерых, а «лимонок» и патронов катастрофически не хватало всегда. Вот и верь после этого, что наша армия бедствовала. Возможно, другое было в дефиците?

Из тех же книг мы знаем о победах любой ценой, когда шел солдат по приказу в лобовую атаку с трехлинейкой на верную смерть, чувствуя ее дыхание и позади себя, где раздавались короткие автоматные очереди «братишек» из заградительных отрядов. Был ведь такой приказ: расстреливать своих отступающих. Вот и метался солдат между двух огней. Даже «отмякшие» от сталинских приказов ветераны с содроганием вспоминают такие атаки. А некоторые при этом произносят наше, истинно русское выражение: «Война все сплещет...» Да, как не ценилась и в копейку у нас жизнь человеческая полвека

век, представители сельской и районной администрации, взвод солдат с автоматами для ружейного салюта, батюшка и певчие, которые совершили погребальный обряд по убиенным. Построились у братской могилы все работающие в этих местах поисковики, поднявшие из земли останки 301 бойца. На 23 гроба легли букеты цветов.

Много слов прозвучало в день похорон, но особенно запомнились произнесенные на поминальном обеде райвоенкомом, давнишним сподвижником поисковиков полковником Валерием Жумаевым:

— Давно пора понять, что многие болезни нашего общества проросли на костях брошенных в войну солдат. У нас выветрилось из памяти, что забвение мстит обнищанием духа, неверием. А с таким «запасом» нет дороги к нравственному очищению.

Поздно вечером сели мы ужинать в этот последний перед отъездом домой вечер. Но не у костра, а у хлебосольной, доброй и красивой хозяйки — Елены Васильевой, работающей в сельской администрации. Натопила она с дочками нам жаркую баньку, накрыла стол, показавшийся после лесных блюд прямо-таки царским. Как и положено по русскому обычаю, выпили по рюмке за упокой души похороненных. А когда отмытые и чуть скинувшие накопившуюся за Вахту усталость возвращались в лагерь, заговорили о следующей поездке в эти места. Кто-то то ли в шутку, то ли всерьез произнес: «А я бы еще остался».

Почти до утра мы строили планы. Яркое горел костер. Так же тихо несла свои воды Рубья. А когда из ложины поплыл туман, тени погибших солдат снова подошли к нашим палаткам. Что вы хотите сказать нам, родные? Чему-то хотите научить, предостеречь? С большим трудом вы одолели врага, заплатив за победу самым дорогим — жизнями. Время все дальше и дальше катится от войны, а мы до сих пор не осознали ее, муки и скорбь тех, кто до сих пор ждет вас домой. Помните, как сказал поэт: «От снарядов и

кренне радовались удаче, не обращая внимания на начавшийся дождь, изрядно подтопивший наши палатки.

Уже по приезду домой криминалисты из милиции внесли в нашу расшифровку существенную поправку. Оказалось, что смертный медальон принадлежал старшине Киричу Николаю Николаевичу, 1920 года рождения, призывавшемуся в армию из Калининской области. Вкладыш медальона старшина заполнил в 1942 году. Надо сказать, что сведения основательные, в архиве без особых затруднений найдут все данные о нем и заждавшихся его родственниках.

Иные могут возмутиться: чему радоваться? Полусгнившим костям и пробитому осколком черепу? Действительно, такие находки, как впрочем и вся поисковая работа, далеко не праздник, а скорее черновой труд, который восхвалять и поэтизировать, как говорится, рука не поднимается. Ведь в прямом и переносном смысле поисковики соприкасаются со смертью и горем. Но коль наше государство до сих пор не удосужилось убирать с полей сражений своих солдат, то кому-то надо это делать. Взялись за него добровольно поисковики, у которых нет-нет да и спросит некоторый с ухмылкой: «а сколько вам за останки платят?» Да ни сколько. А радуются они потому, что за этими костями и каждым найденным медальоном стоит Человек, возвращение его из небытия.

Там же, в лесу, на память пришли слова из песни давнего знакомого, поисковика из Казахстана, Олега Припадчева:

Как будто мы с тобою виноваты,
Что взятые пороховою тьмой,
Не поступаться никогда солдаты
Родные и усталые домой.

Не знаю, кто как, а я слова из песен как бы перевожу в действительность, «рисую» про себя ту или иную картину. Когда звучали подобные песни, мне казалось, что каждый вечер к нашему лагерю, со стороны опушки леса, с которой мы поднимали останки, приходят воскресные бойцы. Они приходили согреться у нашего костра, посмотреть на нас, послушать песни, какие поют сейчас живущие. И спросить, как живут их родные и близкие люди. Хорошо понимаю, что это все какое-то наваждение, бред, но нет-нет и посмотрю в сторону тихо журчащей Рубьи: вдруг и правда подошли?

Что и говорить, большую эмоциональную нагрузку несут такие экспедиции. Особенно это заметно по тем ребятам, кто приехал на Вахту Памяти первый раз. У опытного поисковика Алексея Чернышова саперка только мелькает, выбрасывая из окопа песок. Но ни одну «железку», а тем более косточку он не пропустит, все углядит. Основательно и легко копает бывший пограничник, волочильщик калибровочного завода Сергей Степин. А вот Саша Браславская, Настя Тимеева и Олег Рыбак чуть ли не каждую песчинку разгля-

Как будто мы с тобою виноваты,
Что взятые пороховою тьмой,
Не поступаться никогда солдаты
Родные и усталые домой.

дывают в надежде отыскать медальон. Лопату в грунт опускают медленно, с оглядкой. Нет, они не боятся зацепить работающего рядом товарища, они опасаются другого — поранить и причинить боль погибшему. Особенно не по себе становится, когда из грязи вытаскиваешь почти целый череп или тяжелую берцовую кость. В такой момент из раскопа доносится звук, очень похожий на вздох живого человека, которому причиняют боль. Будто это мою ногу с мелкими костяшками пальцев отделили от тела и положили на холодную землю.

Рядом с останками мы находили не только личные вещи погибших, которые предписано иметь солдату. Однажды нашли нателный крестик, который поисковики положили во время погребения в гроб. При раскопках попадаются и иконки. Значит, не только «за Родину и Сталина» гибли воины, а и за веру в Бога? Заставляли засомневаться в правдивости других устоявшихся наших суждений о войне, появившихся в сознании по прочтению исторических книг и школьных учебников, оторванные нами запасы винтовочных, пулеметных патронов и гранат. Почти у каждого погибшего мы подбирали по два-три и больше полных подсумка, по несколько гранат-«лимонок», взрывателей к ним. Попадались сохранившиеся минометные снаряды, полные автоматные диски. К таким трофеям у поисковиков отношение особое. Тут наш командир Валентина Алексеевна за порядком следила во все глаза. Как говорится, подальше от греха. Местные парни рассказали нам о том, как в прошлом году из-за беспечности

Попадались сохранившиеся минометные снаряды, полные автоматные диски.

назад, так и сейчас ей грош сломанный ценя. Хоть в той же Чечне, хоть на родной улице.

Быстро летят дни на Вахте. Вроде бы только в лес вошли, а уже собираться домой пришла пора. Найденные нами останки 47 солдат были уложены в гробы. Мы переоделись в парадную форму и отправились на солдатское кладбище — то самое, где магнитогорские поисковики хоронили останки погибших в 1993 году. Отдать свой долг защитникам Отечества, пусть с опозданием, но все же отдать, сюда пришли жители дере-

мин мы очистили наши кварталы, но какой же сапер разминировал наши сердца?»

Вопросы, вопросы... Они роют кругом в голове и остаются без ответов. В одном лишь есть уверенность: надо искать, надо лезть в воронки и окопы, надо доставать из небытия погибших. Потому что мы живем на земле, озаренной их жизнями.

В. РЫБАК.

Фото А. ЧЕРНЫШОВА.

Старая Русса —
Сутоки — Магнитогорск.